

Христианство, как она его понимает, не решает для нее вопроса жизни и смерти. Зачем умирать, когда хочется жить? В обещания будущие христианства она верит воображением и умом, а все существо ее становится на дыбы, и другого успокоения (кроме ложнохристианского) нету, — а место занято... Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия — природа, с которой он жил... Дерево умирает спокойно, честно и красиво... — потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет. Вот моя мысль...» [4: 514]. Таким образом, высшим выражением истины для Л. Толстого является смерть дерева, именно потому, что оно *не создаёт*. Находясь под влиянием идей Руссо, Л. Толстой исключительное значение придавал всему бессознательному, природному, потому что цивилизация, образование противны природе, разрушают ее гармонию.

Тема смерти, как отмечалось уже многими исследователями, занимала важное место в произведениях писателя. По мнению П. М. Бицилли, Толстой понимал смерть как завершение и отрицание жизни, как загадку самой жизни [1]. Сознательно, в соответствии со своими идеями, писатель хотел изобразить три смерти как круговорот природы, не имеющей ни души, ни разума, и в то же время показать лживость христианских обещаний загробной жизни.

Наша задача — в ходе анализа номинализаций выявить то, что отражено писателем в рассказе *подсознательно*.

3. Анализ номинализаций

В произведении можно выделить следующих основных персонажей: автор-повествователь, больная барыня, ее муж, доктор, священник, дочь смотрителя и ее подруга, ямщики, кухарка. Цитаты из Евангелия нами не рассматривались, так как они относятся к речи Л. Толстого.

Итак, в речи автора нами отмечено всего 55 номинализаций, то есть около 2,3%. Из них в качестве субъекта — наиболее независимом — 22. В речи барыни отмечено всего 7 номинализаций (2,2%), в качестве субъекта 2. В речи мужа больной отмечено всего 7 номинализаций (2,4%), в качестве субъекта 1. В речи доктора 2 номинализации (2,4%), в качестве субъекта 1. В речи священника 1 номинализация (предикат) — 1,6%. В речи больного ямщика 3 номинализации (5,7%), в роли субъекта 1. В речи ямщика Серёги 4 номинализации (3,3%), все в качестве субъекта. В речи Кухарки Настасьи 5 номинализаций (4,2%), из них 1 в роли субъекта. В речи дочери смотрителя 3 номинализации (7,3%), из них 1 в роли субъекта.

На основании количественного анализа номинализаций можно сделать следующие выводы. В речи образованных и материально обеспеченных людей (к ним относится и автор) процент номинализаций примерно в два раза меньше, чем в речи простых, необразованных людей, зарабатывающих на жизнь тяжким трудом (ямщики, дочь смотрителя и ее подруга, кухарка). Это означает, что образованные и материально обеспеченные люди ощущают себя в большей степени контролирующими события жизни, чем люди простые.

Семантический анализ номинализаций показывает, что в речи образованных героев рассказа наибольшее количество раз повторяются слова «кашель» и «слёзы». Это означает, что в речи представителей этой социальной группы неподконтрольными представлены *физиологические* и *эмоциональные состояния* человека. В речи простых людей как наименее неподвластные контролю представлены *явления природы* (слова «грязь», «мокреть» в роли субъекта высказывания), *смерть, грех, страх*. В речи автора и Настасьи повторяется также слово «сон». Вспомним сны, о которых рассказывает Настасья. Сначала она видит во сне Фёдора, который помогает ей рубить дрова и говорит, что здоров. Проснувшись, она обнаруживает, что Фёдор мертв. Месяц спустя Настасья напоминает Серёге об обещанном Фёдору памятнике и говорит: «Он уж приходил к тебе раз просить, не купишь, еще раз придет, душить станет». Видимо, речь идет о сне, который приснился Серёге. Так в сознании людей отражаются древние языческие верования в значение снов и в то, что загробная жизнь существует.

Творческой манере Л. Толстого свойственно показывать внутренний мир героев не через мысли, облеченные в слова, а через ощущения. Смерть дерева писатель передает через аудиальные ощущения. «Вдруг странный, чуждый природе звук разнесся и замер на опушке леса. Но снова послышался звук и равномерно стал повторяться внизу... Топор низом звучал глуше и глуше, ... и легкий *треск* послышался из-за ударов. Дерево вздрогнуло всем телом, погнулось и быстро выпрямилось... *На мгновение* все затихло, но снова погнулось дерево, снова послышался *треск* в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветви, оно рухнулось макушкой на сырую землю. *Звуки* топора и *шагов* затихли». Изображая смерть дерева с использованием номинализаций (в данном отрывке их 7), автор подчеркивает беспомощность дерева перед человеком. Л. Толстой, используя олицетворение, представляет дерево как живое существо. Оно не может видеть и говорить, но *слышит* и *чувствует* человека, который его губит. Это тоже можно рассматривать как отражение древнего языческого культа деревьев.

4. Выводы

Итак, анализ номинализаций показал, что в рассказе «Три смерти» Л. Толстой выразил не только взгляды Руссо и критику христианства, но и древнюю мифологическую систему народного мировосприятия. Эти взгляды, видимо, в большей или меньшей степени проявляются у всех людей, и можно предположить, что подсознательно их разделял и сам Л. Толстой.

Литература

1. Бицилли П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого (1928) // Лев Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. К. Г. Исупова. СПб., 2000. С. 473–499.
2. Бэндлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. Т. I и II. СПб., 2007.
3. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Под ред. Ю. Н. Караулова. Изд. 2-е, стереотип. М., 2002.
4. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 18. М., 1984.

Проблемы описания рифмы русских поэтов XVIII века (на материале словаря рифм М. В. Ломоносова)

Е. М. Матвеев

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

ematveev@list.ru

Ломоносов, рифма, рифменный сегмент, поэтическая речь

Summary. The presentation focuses on the problems of rhyme description of 18th-century Russian poetry that appear in the process of work on Lomonosov's Rhyme Dictionary.

В настоящее время в Институте лингвистических исследований Российской Академии наук в рамках большого проекта «Словарь М. В. Ломоносова» готовится словарь-справочник «М. В. Ломоносов и русская поэзия XVIII века», основной целью которого является комплексное описание поэтического наследия Ломоносова в стиховедческом аспекте. В состав многотомного словаря языка М. В. Ломоно-

сова будет включен словарь-справочник «М. В. Ломоносов и русская поэзия XVIII века», состоящий из двух частей — словаря рифм М. В. Ломоносова и метрико-строфического справочника.

Основной характеристикой описываемой в словаре рифмы является рифменный сегмент (часть конечного слова стиха, которая участвует в создании рифменного созвучия).

При его вычленении мы встречаемся сразу с несколькими сложностями.

Первая сложность касается вопросов соотношения фонетики и орфографии. Выделяя рифменные сегменты при описании рифмы Ломоносова (как, впрочем, и других поэтов XVIII века), мы имеем дело исключительно с письменным текстом. И если в ряде случаев на основании письменного текста мы можем быть с большой долей вероятности предположить, как произносилось то или иное слово (например, оглушение звонкого согласного в конце первого слова рифмопары *виноград — бежат*), то в других — это неочевидно. Так, например, неясно, как произносилось слово «голова» ([голова́] или [галава́]) в рифмопаре *трава — голова*. И так, первый существенный вопрос, который возникает в связи с соотношением фонетики и орфографии в поэтической речи XVIII века, — это проблема фиксации рифменного сегмента у слов, произношение которых отличается от их орфографического облика (для «голова»: ОВА, АВА или ВА; для «виноград»: АД или АТ).

Вторая важнейшая проблема, с которой мы сталкиваемся при вычленении рифменного сегмента, — это вопрос о границе рифмы и, соответственно, о границе рифменного сегмента. Помимо «классических» точных рифм, господствующих в поэзии XVIII века (*лед — бьет, божество — торжество*) при составлении словаря рифм Ломоносова встретилось более сложное явление: созвучия, имеющих непосредственное отношение к рифме. И здесь нужно рассмотреть две группы явлений: 1) созвучия, усиливающие точность рифмы, и 2) созвучия, ослабляющие точность рифмы.

1. Созвучия, усиливающие точность рифмы:

а) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, парные по звонкости-глухости: *пойдут — цветут, возглашали — подражали, вседержитель — нарушитель, солдат — хотят, мудрейший — острейший* и др.;

б) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, парные по твердости-мягкости: *тишу — ишу;*

в) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, сходные по какому-либо фонетическому признаку, например:

– по признаку места образования: *обид — вид* (губные), *дверь — зверь* (переднеязычные), *клокочет — хочет* (заднеязычные);

– по признаку способа образования: *доброт — щедрот* (смычные), *весны — тьмы* (сонорные);

г) «дистанционные совпадения» отдельных согласных, гласных и групп звуков в рифмующихся словах: *рвет — ржет, полях — полках, десницу — денницу, лежащих — летящих, парящий — палящий, скрыла — сила, мозгу — низу* и др.

Иногда звуковое сходство рифмующихся слов настолько велико, что они отличаются только одним звуком: *подобну — подробну, злился — залился, ограда — отрада*. В некоторых случаях наблюдаются сочетания нескольких факторов: созвучие согласных, сходных по признаку места образования и «дистанционные совпадения»: *рабы — рвы*.

2. Созвучия, ослабляющие точность рифмы.

а) примеры неточных рифм, а именно ассонансные рифмы, например: *Своим — Константин, снег — след*;

б) палиндромические рифмы, в которых звуки первого слова рифмопары повторяются во втором слове в обратном порядке: *ковры — рвы*.

Совместными усилиями ряда специалистов (в частности, Н. Н. Казанского, Е. В. Хворостьяновой, С. С. Волкова) было выработано следующие принципы вычленения рифменных сегментов:

1. Сегмент выделяется по орфографическому принципу (только на основе написания). Помимо чисто практического удобства этого принципа, следует сказать, что он имеет отношение к восприятию рифмы поэтами XVIII века, когда существовало особое понятие, подчеркивающее важность графики, — «рифма для глаза»; часто «в угоду графической точности искажалась орфография: брался редкий или изобретался новый орфографический вариант („слышешь — пишешь“, „нада — рада“, „спокоен — достоин“ и пр.)».

2. В рифмованном стихе рифменный сегмент выделяется не для рифмопары, а для каждого из рифмующихся слов отдельно. Так, например, в рифмопаре *пленил — забыл* для слова «пленил» выделяется сегмент ИЛ, для слова «забыл» — сегмент ЫЛ, в рифмопаре *виноград — бежат* для слова «виноград» выделяется сегмент — АД, для слова «бежат» — АТ, в рифмопаре *пленил — проронил* для слова «пленил» выделяется сегмент НИЛ, для слова «проронил» — также сегмент НИЛ. Для безрифменных окончаний под рифменным сегментом понимается часть конечного слова стиха от ударной гласной до конца.

3. С учетом орфографического принципа все приближенные созвучия согласных (включая и парные согласные по звонкости / глухости), а также «дистанционные совпадения» звуков в рифмующихся словах, о которых шла речь выше, в рифменный сегмент не входят: для обоих слов рифмопары *клокочет — хочет* выделяется сегмент ОЧЕТ; для обоих слов рифмопары *весны — тьмы* — сегмент Ы; в рифмопаре *скрыла — сила* для слова «скрыла» выделяется сегмент ЫЛА, для слова «сила» — ИЛА; в рифмопаре *десницы — денницы* для обоих слов выделяется сегмент НИЦЫ. Преимущество такого подхода заключается в том, что при анализе словаря все отмеченные примеры усиливающих точность рифмы созвучий можно будет рассматривать на фоне других случаев. Так, например, на первый взгляд кажется, что именно мужские открытые рифмы (типа *весны — тьмы*) требуют некоей компенсации своей недостаточности. Если все подобные рифмы окажутся в словаре рядом (в данном случае — на сегмент Ы), то данную гипотезу будет легче подтвердить либо опровергнуть.

4. Для спорных случаев предлагается использовать такой же принцип, какой используется для безрифменных окончаний: под рифменным сегментом понимать часть конечного слова стиха от ударной гласной до конца. Например, в рифмопаре *Своим — Константин* для слова «Своим» выделяется сегмент ИМ, для слова «Константин» — ИН, в рифмопаре *ковры — рвы* для обоих слов выделяется сегмент Ы.

В настоящее время заканчивается описание рифмы Ломоносова согласно сформулированным принципам. Словарь-справочник «М. В. Ломоносов и русская поэзия XVIII века» выйдет в свет к концу 2010 года (общий объем издания — 30 а. л.).

Церковнославянизмы в сатирическом тексте А. С. Пушкина («Гавриилиада»)

Т. М. Николаева

Казанский государственный университет

iraa.ksu@mail.ru

Церковнославянизмы, сатира, стилистическая маркированность

Summary. In the work the author demonstrates the methods of purposeful use by A. S. Pushkin Church-Slavic lexics as a means of creating a satirical text.

В научных изысканиях оказались обойденными вопросы, касающиеся нетрадиционного, но весьма активного функционирования архаичных лексем, выступающих в качестве значимых элементов в произведениях специфической жанровой ориентации, а именно — средств организации сатирического, пародийного пушкинского текста.

Наиболее явственно реализуется А. С. Пушкиным принцип сцепления семантических «крайностей», при котором высокое, книжное контрастирует с «грубой натурой», «низкой природой»: «Подземный царь, буян широкоплечий, Вотще кряхтел с увертливым врагом, И, наконец, желая кончить разом, с архангела пернатый сбил шелом... Схватив врага за